Ян Му, разумеется, прекрасно понимал: если переселиться за город и соблюдать траур там, это, с одной стороны, выглядело бы благородно со стороны семьи Ян, но с другой — доставляло определенные неудобства семье Лин и в какой-то мере ущемляло их гордость.

Но ради собственной свободы и душевного покоя на ближайшие несколько лет Ян Му вовсе не собирался заботиться о чужих мнениях. К тому же здесь не было никого, кто был бы ему дорог — чужие люди, не связанные с ним ни кровью, ни дружбой, с какой стати ему о ком-то переживать?

Мысленно усмехнувшись, он подумал, что из всех присутствующих этот смазливый зять казался еще более-менее сносным. И хотя при первой встрече тот показался мягким, как вода, на деле это была лишь видимость, а каков он в действительности — еще бабушка надвое сказала.

Терпеть чужие взгляды и зависеть от чужой милости целых три года — да это же хуже смерти!

Красота красотой, но когда до нее не дотянуться и не попробовать, лучше просто умыться и лечь спать.

С этой мыслью Ян Му только укрепился в своем решении. Он повернулся, вытащил из шкафа белые одежды, и ткань под его ладонью заставила его искренне восхититься. Встряхнув их, он переоделся и, взглянув на свое отражение в медном зеркале, не удержался: да уж, человека действительно делают одежды! С брезгливым выражением лица он повернулся, чтобы заново уложить растрепавшиеся волосы — он откровенно не выносил себя нынешнего.

Его раздражало абсолютно всё: и это хрупкое, слабое тело, и никчемный статус.

Немного приведя себя в порядок, он снова вышел из Двора Лотоса. Его тут же проводила сообразительная служанка; всю дорогу они шли молча, но Ян Му догадался, что это путь в переднюю залом, где подают еду.

Вновь увидев своего зятя и племянницу, похожую на нефритовую статуэтку, Ян Му снова взял себя в руки, изобразил на лице улыбку, слегка поклонился со сложенными рувами и лишь после этого занял свое место.

Хозяин ничего не сказал, лишь слегка кивнул, и стоявший за спиной Лин Юйсюаня управляющий Линь Фу тотчас приказал подавать блюда.

За едой не разговаривали, и в зале стояла зловещая тишина. Даже служанки хранили молчание, только их живые глаза так и бегали по сторонам. Больше всего им хотелось поглазеть на новоиспеченного младшего дядюшку.

Аппетит у Ян Му и без того был невелик, а находясь в чужом доме, он и вовсе не смел

наедаться. Каждый кусочек он пережевывал не меньше двадцати раз, прежде чем набраться смелости проглотить.

Он даже не решался притронуться к любимым с детства хрустящим закускам, опасаясь, что слишком громкий хруст покажется невоспитанным.

Оба взрослых молчали, не обменявшись и словом, и трапеза протекала в какой-то странной атмосфере. Лин Юйсюань теперь испытывал определенные угрызения совести за то, как недавно придирался к Ян Му.

В конце концов, этот парень — всего лишь полувзрослый ребенок, стоило ли ему вообще с ним состязаться?

Судя по его прежней одежде и словам управляющего, этот юноша в собственном доме был так же нелюбим, как и его покойная сестра, и на этот раз его просто выгнали под благовидным предлогом.

И при этом у мальчика хватило искренности и преданности, чтобы захотеть как следует почтить память сестры.

Размышляя об этом, Лин Юйсюань отложил палочки. Заметив это, Ян Му тут же прожевал еду, сделал вид, что наелся, аккуратно положил свои палочки и поднес к губам чашку с чаем.

Линь Вань частенько упоминала тебя, — Лин Юйсюань бросил взгляд на движения юноши, отчасти догадываясь о его мыслях, и смягчил голос: В семье Ян она говорила, что ты был ей ближе всех.

Ян Му медленно кивнул, и в его взгляде неизбежно промелькнула тоска. Про себя же он яростно выругался: раз уж знал, какие у нас с сестрой были близкие отношения, к чему были те придирки при первой встрече?! Мог бы хоть немного сделать скидку на то, что я ее младший брат! Тьфу на него!

В усыпальнице сыро и холодно, твоя сестра наверняка не пожелала бы, чтобы ты терпел там такие муки, — Лин Юйсюань заметил печаль на лице собеседника и невольно тихо вздохнул. — Похвально, что твое сердце так предано ей, но идти туда соблюдать траур нет никакой необходимости, дома для твоей сестры обустроен алтарь.

Разве Ян Му можно было так легко отговорить? Мысленно фыркнув пару раз, он уже засучил рукава, готовясь вступить в интеллектуальную битву — он непременно должен был добиться своего, иначе и отступать не собирался!

То, что говорит зять, разумеется, абсолютно верно, только дома лишь сестра относилась ко мне по-доброму. С малолетства оставшись без матери, я терпел издевательства окружающих и по

малолетству не понимал, где правые, а где виноватые, наивно полагая, что чужие унижения — это то, что я должен сносить. Если бы сестра не защищала меня в своем дворе, не знаю, дожил ли я вообще до сегодняшнего дня. — По мере того как он говорил, его длинные, чуть раскосые фениксовы глаза наполнились влагой. — Сестра скончалась, я спешил к ней издалека, но все равно не успел… — На этом моменте он глубоко вздохнул, словно подавляя невыносимую боль в сердце. — Я и так чувствую себя виноватым, и охранять покой сестры рядом с ее прахом — мое заветное желание. Прошу зятя исполнить мою просьбу. — С этими словами он прямо распустил полы одежды и опустился на колени.

Глядя на хрупкого юношу, Лин Юйсюань снова проникся глубоким уважением к его верности и силе чувств. Мысленно вздохнув, он лично поднял младшего деверя на ноги и только сейчас ощутил, насколько этот подросток оказался худее, чем он предполагал. Вспомнив то, о чем Линь Вань говорила при жизни, он прекрасно понял, какой тяжелой была жизнь этого мальчика.

Раз уж на то пошло… — Лин Юйсюань не успел договорить, как сидевшая рядом малышка вдруг всхлипнула, собираясь заплакать.

Ян Му уже почти добился своего, поэтому не спешил, однако, заметив, что у девочки покраснели глаза, а она все никак не желала брать в рот ложку с едой, которую предлагала служанка, он увидел, как та засуетилась, а на лбу у нее выступил холодный пот.

Лин Юйсюань нахмурился; видя слезы любимой дочери, он и сам почувствовал себя не в своей тарелке. — Что здесь происходит?! — в его голосе невольно прозвучало упрекающее нотки.

Служанка тут же рухнула на колени и испуганно залепетала: Маленькая барышня отказывается есть, я, я… — но не смела вымолвить и слова дальше.

В конце концов, в ее обязанности входило заботиться о маленькой госпоже, и раз она не могла даже накормить ребенка, оправданиям просто не было места.Малышка была очень смышленой: увидев, что отец смотрит на нее, она тут же протянула к нему ручки, требуя, чтобы ее взяли на руки, и наотрез отказалась съесть хоть ложку больше.

Лин Юйсюань, глядя на свою дочурку с покрасневшими от слез глазами, вмиг ощутил прилив нежности. Он подхватил ее на руки и принялся похлопывать по спинке.

Однако его неуклюжие движения пришлись девочке не по душе. Она немного поерзала, а затем вдруг залилась громким плачем. Лин Юйсюань опешил: обычно он редко держал детей на руках, но даже если малышке было неудобно, она сама устраивалась поудобнее, а не закатывала таких истерик.

Служанка, разумеется, понимала причину, но побоялась сразу вмешаться, а Лин Юйсюань лишь растерянно замер.

Ян Му, наблюдая за этой сценой, тихо усмехнулся:

— Давай сюда.

Он умело забрал девочку из его рук, прямиком направился к столу и сел, взяв детскую еду:

— Ну что, крошка, ты наелась или просто не хочешь больше?

Малышка, широко открыв свои блестящие от влаги глазки, уставилась на своего маленького дядю. Она склонила головку набок, словно не понимая, о чем речь.

Ян Му погладил ее по животику — хм, кажется, сыта.

— Ну а если съешь еще пару ложечек? Как только доешь, дядя возьмет тебя с собой на улицу погреться на солнышке и посмотреть на птичек, договорились?

Стоило услышать о прогулке, как девчушка тут же расплылась в улыбке, прищурив глазки, и радостно залопотала:

— А-а! Да-да!

Ян Му воспользовался моментом и отправил ей в рот ложку молочной каши — эта еда походила на густую похлебку, но от нее исходил сладкий аромат.Малышка, ошеломленная тем, что ее внезапно покормили, машинально проглотила еду, но вместо того, чтобы громко реветь и скандалить, лишь недоумевающе уставилась на собственного дядю.

Ян Му мягко улыбнулся и чмокнул девочку в щеку: — Какая умница, хочешь еще ложечку?

На самом деле он не особенно любил детей, но ради того, чтобы задобрить Лин Юйсюаня, ему, естественно, требовалось выказать особую привязанность к этой крохе. К счастью, девчушка оказалась милой и понятливой, да и внешне прелестной — на нее в любом случае было приятно смотреть.

Получив поцелуй в щеку, малышка тут же широко распахнула глаза, словно ей это безумно понравилось, и снова подалась вперед, требуя ласки.

Все дети любят тактильный контакт, но эта девочка росла в знатном кладе, ее мать умерла рано, а отец, очевидно, был не способен подарить ей такую нежность.

И как же малышке было не радоваться, когда вдруг нашелся тот, кто захотел к ней прикоснуться?

Ян Му зачерпнул еще одну ложку и поднес к детскому ротику. Та, казалось, немного посомневалась, но все же открыла рот и проглотила угощение, а когда ее снова поцеловали, девочка опять расплылась в улыбке, сощурив глаза.

Скормив ей три ложки, Ян Му прекратил кормление и сначала вернул малышку служанке: — Если дети голодны, они плачут и требуют еды, но если она отказывается есть, не заставляйте ее, покормите, когда снова проголодается. Сейчас она еще мала, и ей необязательно строго соблюдать режим из трех приемов пищи и трех перекусов.Та служанка опустила голову и бросила взгляд на своего господина, а заметив, что тот вовсе не возражает, тут же послушно отозвалась.

Лин Юйсюань, глядя на только что разыгравшуюся сцену, почувствовал, что в ней было куда больше естественности и тепла, чем даже при жизни его покойной жены; его сердце оттаяло.

Пока Линь Вань была жива, в их комнатах неизменно стоял слабый запах лекарств. Из-за слабого здоровья она не могла носить ребенка на руках и даже не смела подолгу видеться с ним, опасаясь передать ему свою болезнь. Казалось, времени, когда вся семья из трех человек находилась бы под одной крышей, у них попросту не было. О таких теплых минутах можно было лишь мечтать в раннем детстве, но наяву испытать их доводилось лишь понаслышке.

Лин Юйсюань невольно улыбнулся мягкой улыбкой; из-за того, что он стоял спиной к солнцу, его лицо тонуло в тени, но эта улыбка была способна растопить что угодно.

Ян Му бросил на него мимолетный взгляд и тут же отвернулся, однако он не знал, что если раньше он наверняка смог бы уйти, то теперь это стало маловероятным.

Лин Юйсюань, казалось, остался чрезвычайно доволен:

— Ты так умело обращаешься с детьми?

Хотя прозвучал вопрос, по тону было ясно, что это вовсе не расспрос.

Ян Му, приподняв чашку чая, на мгновение замер, а затем с улыбкой покачал головой:

— Вовсе нет. Просто эта девчонка ко мне привязалась, это правда, иначе с ребенком было бы не справиться.

— Лин Жун, можешь звать ее Жунъэр, — напомнил Лин Юйсюань этому непутевому юноше, который до сих пор не знал, как зовут его собственную племянницу.

Тот на миг опешил, а затем сообразил, что это имя девочки:

— Сейчас еще рано, Жунъэр только что поела, отведите ее вздремнуть, а когда проснется, принесите сюда, я поиграю с ней немного.

Заметив, что у маленькой госпожи и впрямь начали слипаться глазки, служанка тут же подхватила ее на руки и удалилась.

— С этого дня поселяйся в Лотосовом саду. Здесь ты сможешь проводить больше времени с Жунъэр — в конце концов, она единственная плоть и кровь твоей сестры, — Лин Юйсюань не считал, что говорит что-то не то, тем более что такое устройство было очень удобно и для Ян Му. Не говоря уже о том, сколь неподобающе было бы жить рядом с кладбищем, одни лишь

здешние условия были несопоставимо лучше, чем в его собственном поместье.

К тому же он видел, как Ян Му сблизился с Жунъэр, а у кормилицы девочки в последние дни было неважно со здоровьем, и новая служанка явно не умела справляться с ребенком. Почему бы в таком случае Ян Му временно не заменить сестру и не позаботиться о племяннице? В этом не было ничего дурного.

Однако одно это его легкомысленное слово не только лишило Ян Му возможности возразить, но и заставило пожалеть о содеянном так сильно, что внутренности у него едва не позеленели от злости.

Всего один шаг оставался до того, чтобы вырваться на свободу и три года жить вольготно, так почему же все планы рухнули?! И впрямь, не стоит проявлять излишнюю доброту к людям — надо было позволить этой девчонке реветь до посинения…

— Зять, это… — начал было Ян Му.

Но Лин Юйсюань лишь приподнял брови:

— Ты не хочешь остаться?

Иначе почему он то и дело заводит речи об уходе?

http://bllate.org/book/32550/3976868